

УДК 316.42

ДЕМОДЕРНИЗАЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2013 г. К. А. Миракян

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В представленной статье прослеживается связь между демодернизацией российского общества как процессом восстановления архаических социальных форм, и ростом правового нигилизма в массовом сознании россиян. Автор статьи полагает, что устранение правового нигилизма вероятно в контексте возрастания влияния права на систему общественных отношений.

Ключевые слова: демодернизация; правовой нигилизм; социальные трансформации; архаические формы; неправовые отношения.

Presented article contains the investigation on connection between demodernization of Russian society and rise of law nihilism as of a part of Russians' mass consciousness. Author concludes the annihilation of law nihilism probably in context of rising influence of law on social relations system.

Key words: demodernization; law nihilism; social transformation; archaic forms; illegal relations.

Развитие российского общества не подтверждает линейно-прогрессистскую концепцию. На это указывает нарастание социальных и технологических рисков, социальной неопределенности и неравновесия в различных сферах общественной жизни, что связано с регрессивными и деструктивными явлениями, приобретающими часто системный характер.

Отмечая, что социальные трансформации в российском обществе имели результатом не только рыночные и демократические преобразования, но и привели к демодернизации, мы имеем в виду замещение институтов социального модерни архаичными, традиционными, имитационными, социальными формами. Это выражается в том, что на смену современным политическим идентичностям приходит клановое, а иногда и «родоплеменное» сознание, что индустриальная экономика уступает место цеховым производствам, что система права становится бессилой перед влиянием неформальных договоренностей.

Проблема правового нигилизма в российском обществе, таким образом, соотносится с уровнем демодернизации, с тем, что вместо социокультурной модернизации, формирования современного человека с правовой культурой, в обществе утверждается тип личности, ориентированный на неправомерное поведение и опривычивание норм анархии, индивидуализма и интолерантности. Говоря об этом, необходимо подчеркнуть, что социально-философская мысль характеризует исследуемый вопрос, исходя из сложившейся в российской истории традиции «воли», неправовой свободы (В. Г. Федотова [5]), маргинальности правовых норм (М. А. Шабанова [6]), правовых неравенств (М. К. Горшков [2]).

Демодернизация в предлагаемых исследовательских контекстах описывается как включение механизмов социального самовывживания и негативной мобилизации, создание сферы неправовых отношений, эффективных для реализации социально-адаптационных стратегий населения. При этом указывается,

что правовые механизмы, если и работают, то на закрепление неправового порядка: практики правоприменения связываются с перераспределением властных и экономических ресурсов, легитимируют групповые претензии и, таким образом, являются инструментом насилия или принуждения субъектов, обладающих правовыми ресурсами.

Соглашаясь с этим утверждением, можно сказать, что, тем не менее, демодернизация определяется двумя значимыми для состояния права в обществе последствиями. Во-первых, правовой нигилизм, как стратегия отрицания, противодействия и блокирования правовых норм, становится способом самолегитимации в условиях конкурирующих социальных микросред. Во-вторых, демодернизация резко снижает запрос на право, как идентификационную схему, как образец межличностного взаимодействия и, самое главное, как модель взаимоотношений личности и государства.

Демодернизационный сценарий «оставляет пустоту», которая заполняется квазиинститутами и квазиструктурами: вместо государства возникает корпорация «частных лиц», использующих бренд государства и правосубъектность в целях легитимации собственной политической и социальной гегемонии. В отношениях между личностью и государством право перестает выполнять регулируемую роль, так как правовые (формальные) нормы применяются только для инициирования неформальных соглашений, их эффективность измеряется в контексте усиления социальной зависимости или принуждения к определенному образу действия в целях отношений господства и подчинения.

П. Бергер и Т. Лукман пишут о том, что именно двойственный характер общества в терминах объективной фактичности и субъективных значений придает ей характер самопорождающейся реальности [3]. Право выполняет предписанные функции в том, что представляется объективированным общественным состоянием и оценивается как социально-значимое, имеющее легитимность в массовом сознании.

В демодернизационном варианте правовые нормы теряют общезначимый субъективный смысл, перемещаются в сферу частного правового порядка, а в совокупности

субъективных значений социальной деятельности воспринимаются избыточными, требующими блокирования или обхода на основе неформальных сделок и соглашений. Таким образом, происходит социальная типизация правового нигилизма, формирование отрицания к правовым нормам, как способа установления общения и доверия. Можно сказать, что в обществе формируются группы с установками на правовой нигилизм, как форму социального самоопределения и социального взаимодействия.

Исчезают грани между криминальными сообществами и остальной частью общества: то, что имело маргинальное значение, было заключено в жестких социальных и физических границах, становится присутствующим во всех сферах общественной жизни. Механизмы правового контроля, целью которых является вторичная социализация, не могут быть эффективными в условиях типизации неправовых отношений. В рамках сложившегося в обществе недоверия и нетерпимости к «оппонентам», неприятия плюрализма и преобладания эмоциональных связей с собственной группой [4, с. 129], отрицание права, сопротивление праву оценивается как наиболее адекватный путь к налаживанию связей с внешним миром. В конечном счете, на уровне собственной группы солидарность поддерживается социально-эмотивным контекстом, противоположным по значению рациональному обезличенному воздействию права, правовые нормы накладывают ограничение на отношение с оппонентами и требуют уважения их прав, что неприемлемо в условиях создания образа «врага», также как и интолерантность определяется собственными образами справедливости и истинности и не может быть удовлетворено требованиями формально-правового равенства.

Можно сказать, что отпадает потребность в создании своего образа желаемого права, справедливого мироустройства, а согласование своей индивидуальности с универсальными основами социального общежития, с интересами других лиц [1, с. 33] осуществляется по схеме «отрицания прав другого» и принятия в качестве установки взаимодействия схем инструментальности.

Такая позиция свидетельствует о демодернизации социального поведения, так как

отсутствует институциональный запрос на право, также как и потребность в праве для формирования социального общения. Неаттрактивность правовых норм и правоприменения воспроизводится и усиливается анонимностью правовых институтов, низким институциональным доверием к правоохранительным структурам и смещение акцента в оценке их деятельности на защиту собственной неправовой сферы.

Существующие в российском обществе трактовки свободы, как отмечает В. Г. Федотова, обнаруживают вторичную ценность свободы в сравнении с равенством и справедливостью [5, с. 225]. И дело не только в том, что сохраняются социально-патерналистские, социально-уравнительные интенции, правовой нигилизм не нацелен на утверждение социальной справедливости, как образа действия, отрицание и сопротивление правовым нормам связано с реализацией «абсолютной» свободы, явно противоречащей соразмерности социальной справедливости.

Нельзя упрощать эту проблему в том смысле, что крушение и диффамация идеалов советского периода, утверждение либеральных ценностей является причиной распространения правового нигилизма, когда общество вместо свободы пришло к социальной анархии. Демодернизация общественной жизни определялась и определяется тем, что внедрение правовых норм имело целью реализацию стратегий группового эгоизма, создание разноресурсных социальных групп, то есть право выполняло не социально-консолидирующую, а социально-разъединяющую роль.

В такой схеме правоприменения ослабевает и постепенно исчезает значение правовых норм в качестве регуляторов социального общежития: для низкоресурсных групп эти нормы становятся отчужденными, инструментами несправедливости; для тех, кто обладает ресурсами права, оно теряет привлекательность на уровне внутригруппового взаимодействия, утверждения правил «групповой» лояльности и взаимопоруки. В российском обществе наблюдается переход не к социальной архаике, а к псевдотрадиционности: имеется в виду, что за ситуацией традиционализации, возвращения к естественному образу жизни проглядывается сви-

детельство имитации социальных порядков и нравственных устоев прошлого. Опровержение правовых норм через верность религиозным, моральным или социальным представлениям обнаруживает двойственность позиции правовых нигилистов: исключение правоприменения связывается с достижением потребительских, приобретательских практик, наращиванием социальной ресурсности, ссылка на традицию обретает значение «самооправдания или самовозвышения», не связано с социальной ретроактивностью.

Таким образом, демодернизацию можно охарактеризовать как условие становления и нарастания правового нигилизма в российском обществе как на системном, так и на повседневном уровнях. На системном уровне демодернизация результирует неэффективность правовых и демократических институтов, приводит к монополизации и неравенству институциональных ресурсов, что имеет следствием, во-первых, низкое доверие к институту права, во-вторых, усиление латентных (незаявленных) функций института права, определяющих корпоративизацию правовых норм, удовлетворение иных, не связанных с правотворческой и правоохранительной деятельностью интересов. Например, деятельность правоохранительных структур коммерциализирована, так как доступ к правовым ресурсам используется для обогащения, предоставления незаконных льгот и преимуществ, для реализации «выборочных» репрессий по отношению к оппонентам.

Повседневный уровень включает правовой нигилизм как алгоритм социального действия в контексте хабиитуализации, опривычивания неправомерного поведения, запроса на отклонение правовых норм в качестве образца социального взаимодействия. Личность, действующая в неправовом пространстве, ориентированная на соблюдение и реализацию неформальных соглашений, вырабатывает критическое отношение к праву, рассматривает правовые нормы и установки только в контексте схемы комфортности и не склонна оценивать правовой нигилизм как действие, требующее социальной коррекции и осуждения. Характерно, что упрек в том, что сторонник правового нигилизма в реальности поощряет неправовой произвол в обществе и может стать его жертвой, блоки-

руется рассуждениями о том, что соблюдение норм права, законопослушность человека не является гарантией безопасности и, более того, усиливает риск стать жертвой в условиях атмосферы незаконопослушания.

Вторым аргументом является то, что на неправовые действия можно найти неправовой эквивалент, обратиться к поддержке круга близких, родственников, знакомых, наконец, лично рассчитаться с обидчиком. Подобные утверждения являются, в какой-то мере, самоуспокоительными, но можно квалифицировать как иррационализацию, симпатии к социальной аффективности, к неформальному праву, к следованию образцам талиона.

Можно сказать, что псевдотрадиционализация делает невозможным восстановление «ветхозаветных» норм, в то же время, конструируются и применяются неправовые образцы, ориентированные на «пугающую» реальность, реальность, в которой любые преступления против человека могут быть приняты как неизбежные, доступными индивиду в повседневной жизни. Если следовать положению о том, что в повседневной жизни преобладает прагматический мотив, важное место в социальном знании занимает знание рецептов, то есть знание, сводящееся к практической компетентности в обыденных целях [3, с. 72], правовой нигилизм может оцениваться как практическое знание, как свидетельство практической компетентности и обладать большим репутационным смыслом, чем знание права.

Парадоксально, но позиция правового просвещения граждан, как способ преодоления правового нигилизма, может привести к противоположному результату: знание права в контексте правового нигилизма имеет последствием не рост законопослушности, а расширение сферы неправомерного действия на основе обхода, нарушения и нейтрализации правовых норм. Если же определять минимизацию правового нигилизма в российском обществе, то желаемым является прекращение действия демодернизационных эффектов, влияний, которые вносятся в общественную среду групповыми интересами, установками на интолерантность и конфликтность, несоблюдением элементарных правил социального общежития.

М. К. Горшков видит специфику сложившейся в российском обществе правовой ситуации в том, что необходимость осуществления системной, а не односферной модернизации блокируется наложением проблем демодернизации [2, с. 281], тем, что для модернизационных трендов требуется преодоление аномийности в функционировании правовых институтов и достижение уровня минимальной правовой культуры широких слоев населения. Борьбу с коррупцией, повышение профессиональной компетентности в сфере правоприменения и включение права в механизм взаимодействия на уровне межличностных отношений можно считать предмодернизационными условиями. Иначе говоря, модернизация в обществе не может начаться как без реиндустриализации в экономической сфере, так и возвращения к состоянию права в общественной жизни.

Нельзя согласиться с тем, что демодернизация преодолевается в процессе модернизации, может «исчезнуть» в результате соответствующего проекта органической модернизации, включения механизмов традиции в модернизирующие правовые, политические, образовательные, технологические механизмы: традиционность часто означает легитимацию правового нигилизма, что делает невозможным согласование неправового произвола и правовой рациональности.

Таким образом, этот процесс нельзя смешивать с принятием идеи правового релятивизма, с тем, чтобы допускать существование неформального права как альтернативы правовым нормам. Согласимся, что постоянный акцент на уникальности и неповторимости российского общества не только усугубляет проблему российской идентичности и включения России в мировое социокультурное пространство [4, с. 34], но и пролонгирует состояние правового нигилизма на основе искусственной дилеммы «право — справедливость».

В целом можно отметить, что, во-первых, маргинализация права в процессе социальных изменений российского общества привела к демодернизации институциональной сферы. Во-вторых, на повседневном уровне в контексте практик самовывживания и архаизации образа жизни алгоритмом действия стало отрицание и блокирование правовых норм,

выражаемых в расширении сфер неправовых практик и нарушении прав «других». В-третьих, становится очевидным, что в сложившейся ситуации реализация модернизационного проекта является трудноосуществимой вне предварительных условий минимизации эффектов демодернизации, в частности, преодоления правового нигилизма на основе реальной борьбы с коррупцией, неравенством перед законом, нарушением прав граждан.

Литература

1. Баранов П. П., Овчинников А. И. Актуальные проблемы теории правосознания

и правового мышления. — Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2006. — 192 с.

2. Горшков М. К. Российское общество как оно есть. — М.: Новый хронограф, 2011. — 672 с.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М.: Медиум, 1995. — 322 с.

4. Россия реформирующаяся. Вып. 11. — М.: Институт социологии, 2012. — 542 с.

5. Федотова В. Г. Хорошее общество. — М.: Прогресс-традиция, 2005. — 544 с.

6. Шабанова М. А. Социология свободы: трансформирующееся общество. — М.: Академический проект, 2000. — 340 с.

Поступила в редакцию

22 апреля 2013 г.

Карина Артуровна Миракян — аспирант кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета.

Karina Arturovna Mirakyan — postgraduate student at the Sociology, Political Science and Law department of the Southern Federal University's Institution for the Humanities and Social Science Teachers' Professional Development.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (863) 264-34-66; e-mail: infoippk@sfedu.ru